

УДК 37.014.5: [39:008]”18/19”(476)

Снапковская С.В.

**ЭТНОЯЗЫКОВАЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА
В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Ключевые слова: этнокультурный фактор, полилингвизм, народное образование, образование нерусского населения.

Замысел написания данной статьи сформировался в процессе историко-педагогических изысканий автора, посвященных изучению просвещения, культурно-образовательной политики правительства Российской империи на территории Северо-Западного края (губерний Беларуси и Литвы) и педагогической мысли Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. [10; 11]. В данном контексте особое значение, на наш взгляд, приобретает исследование так называемого этнокультурного фактора в развитии школы и педагогики белорусских губерний в частности и всей Российской империи в целом указанного периода.

Под *этнокультурным фактором* мы понимаем совокупность основополагающих элементов, наиболее тесно связывающих и объединяющих понятия «этнос» и «культура» (язык, религия, национальное самосознание и менталитет, народная культура и традиции) в единую теоретическую конструкцию. При этом данный фактор и его составляющие элементы мы пробуем использовать для решения конкретной исследовательской задачи – показать этнокультурную и этнонациональную специфику развития просвещения и педагогической мысли в Беларуси, а также особенности правительственной этнополитики в педагогической сфере в указанном регионе.

Тема статьи представляет также научный и практический интерес с точки зрения осмысления исторического опыта взаимоотношений русского и белорусского народов в период их совместного проживания в составе многонациональной Российской империи. Важность языкового фактора в педагогике не ставил под сомнение никто из выдающихся педагогических мыслителей прошлого. Научное обоснование основополагающей роли родного языка в процессе образования

и воспитания было дано еще К.Д. Ушинским. Выдающийся российский педагог характеризовал язык как естественный медиум, через который сама «культура усваивается как прирожденная».

В последние годы историками педагогики были разработаны методологические и этнические основания формирования системы российского образования второй половины XIX – начала XX в. [2; 6]. Однако этноязыковой аспект образовательной политики правительства в Беларуси, рассмотренный в общероссийском контексте, не дает полноты представления всей сложности и уникальности этноязыковой проблемы в образовании «русских инородцев». Осмысление выявленных и проанализированных автором за последние годы малоизвестных источников позволит в определенной степени уточнить и обогатить современные историко-педагогические исследования.

Прежде всего, необходимо напомнить читателю, что во второй половине XIX в. Россия сформировалась как многонациональное государство, где по переписи 1897 г. насчитывалось около 150 языков. На национальных окраинах России проживало 57% населения Российской империи, а к началу XX в. доля нерусского населения возросла. Уникальная языковая ситуация существовала в белорусских губерниях. Она заключалась не только в полилингвизме и зависимости употребления того или иного языка от социального и конфессионального статуса личности. В это время язык становится одним из аспектов и средств политической борьбы. Главным конфликтом в тогдашней языковой ситуации в Беларуси было *противостояние русского и польского языков*. Такое положение оказывало непосредственное влияние как на состояние языка коренной национальности – белорусов, так и на статус языков других этнических общностей.

Чем были продиктованы особенности сложившейся ситуации в белорусско-литовских губерниях? Необходимо заметить, что проведение буржуазных реформ 1860-х гг. в Беларуси не имело такого результата, как в центральных губерниях, так как совпало с установлением правительственного реакционного курса после восстания в Беларуси и Литве. Самым пагубным образом это отразилось на системе просвещения. Для белорусско-литовских губерний был разработан *режим специальных законов*, где ключевое место стали занимать «Временные правила для народных школ в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской, Высочайше утвержденные 23 марта 1863 г.», которые оказались «постоянными» вплоть до февраля 1917 г. Содержание этнокультурной политики в крае было направлено на запрет высшего образования, ограничение среднего и русификацию системы просвещения. За участие студентов в восстании в 1864 г. был закрыт Горы-Горетский земледельческий институт – единственное в Беларуси высшее учебное заведение. Поэтому высшее образование белорусская молодежь могла получить за границей или в университетских центрах империи, правда, с последующей четырехлетней отработкой в российской глубинке. В то же время все местные служащие учебных заведений заменялись «благонадежными» выходцами из центральных губерний России, которых привлекали различными льготами – повышенными окладами, перспективой быстрого карьерного роста и др. Земское самоуправление было введено в крае только в 1911 г. Существование белорусского народа, его культуры и языка не признавалось. Само название «Беларусь» было вычеркнуто из официального обихода и заменено безликим словосочетанием «Северо-Западный

край». Уроженцев Беларуси определяли не по этнической принадлежности, а в зависимости от конфессии: католиков относили к полякам, а православных к русским. Таким образом, в результате противостояния двух конфессий белорус вместе со своим богатейшим этнокультурным наследием «вымывался», а его место занял безмолвный и послушный, трудолюбивый и толерантный «тутэйшый» житель (здешний).

Сложившаяся ситуация беспокоила правительство, которое с 1860-х гг. активизировало законодательные пути решения проблемы образования нерусского населения, наделив исключительными административными функциями в решении этого вопроса местное руководство. Поэтому в режиме специальных законов в Беларуси в 1860-е гг. действовали не общие для империи правила о печати 1865 г., а особые циркуляры генерал-губернаторов М.Н. Муравьева и К.П. Кауфмана, в соответствии с которыми печать целиком отдавалась под надзор местной администрации. Книги и периодические издания на белорусском языке до 1905 г. практически не выходили. Попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов, сославшись на неразработанность и бедность языка белорусского народа, настаивал на полной «бесполезности» печатания книг на белорусском «наречии» [4, с. 62]. В Вильно была введена внутренняя (для местных изданий) и внешняя (для иностранных изданий) цензура. Самые незначительные отступления от официальной политики в Северо-Западном крае приводили к запрету деятельности печатного органа.

В середине XIX в. между русским и польским языковыми течениями установилось шаткое равновесие, которое дало возможность «пробиться первым росткам» нового белорусского литературного языка. Попечитель Виленского

учебного округа (ВУО) А.П. Ширинский-Шахматов даже готовил планы официального разрешения белорусского языка в школе для крестьян. Однако этим планам не суждено было сбыться.

Одновременно правительство принимало меры по запрету печатания латиницей по-белорусски. Исходным правовым актом стал циркуляр Главного управления цензуры от 30 апреля 1859 г. о запрете печати украинской литературы «для народа» латинским шрифтом. Этот документ распространялся и на белорусский язык. Иллюстрацией к запрету послужило табу на перевод белорусским писателем В. Дуниным-Марцинкевичем поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш». По инициативе министра внутренних дел П.А. Валуева были усилены ограничения книгопечатания на периодическую печать на украинском языке. В 1863 г. было запрещено печатать книги духовно-морального содержания на украинском языке. Рекомендовалось запретить ввоз из-за границы любых украинских книг, а в границах России разрешить печатание только исторических документов и произведений художественной литературы. Такие исторические факты являются крайне важными, поскольку этот запрет распространялся и на белорусскую периодическую печать. Поэтому на протяжении 60–80-х гг. XIX в. в Российской империи не было опубликовано ни одного литературного произведения на белорусском языке, за исключением фольклорных сборников, которые издавались Российской Академией Наук. А в 1867 г. было запрещено печатать латинским шрифтом на территории Беларуси и Литвы даже по-литовски и по-польски. Вместе с тем белорусский язык не был официально запрещен правительством. Закона, который бы запрещал публикации художественной литературы на белорусском языке кириллическим шрифтом,

не существовало. Судьбу рукописей решала сверхбдительная цензура, руководствуясь правительственным курсом в белорусских губерниях и, так сказать, «собственным мнением».

Так, 16 марта 1899 г. один из таких виленских цензоров обратился в Главное управление по делам печати с вопросом о разрешении к печати рукописи на белорусском языке под названием «Белорусские повествования Бурачка». В своем запросе цензор особенно подчеркнул: «Прячется ли в этом сочинении тенденция, помимо “малорусской”, создать еще “белорусскую” литературу и, таким образом, разбить и ослабить литературное и национальное единство, а в результате этого и политическую мощь русского народа...» В ответ Главное управление по делам печати сообщило, что названная рукопись, автором которой был белорусский просветитель Франтишек Богушевич, не может быть разрешенной к печати. Толчком к такому решению послужило восстание 1863–1864 гг. под руководством Кастуся Калиновского. В ряду революционных лозунгов национального и социально-демократического направления значительное место уделялось развитию просвещения и науки на белорусском языке. Поэтому наиболее важным сегментом правительственной политики стало форсированное внедрение русского языка, который был объявлен единственным государственным языком в крае. Русский язык начал быстро распространяться во всех сферах общественной жизни: административно-политической, социально-экономической, культурно-просветительской и образовательной, религиозно-культурной и бытовой, заняв к началу XX в. в Беларуси доминирующие позиции и вытеснив все остальные языки на полулегальное положение.

За полстолетия интенсивного «обрусения» в белорусском обществе сло-

жилось общественное мнение, направленное против использования родного языка. Редактор-издатель первой белорусской газеты «Наша нива» А.Н. Власов вспоминал, что «откликнуться по-белорусски означало то же самое, что голым показаться на улице». Один из основателей новой белорусской литературы, писатель, поэт и педагог Я. Колас характеризовал отношение к сложившемуся положению следующим образом: «Белорусский язык осуждался, высмеивался, изгонялся. Из сознания народа искоренялось само название его края. А на того, кто выступал со своим родным словом, смотрели, как на чудака, над которым можно было только посмеяться» [3, с. 116].

Между тем некоторые педагоги Несвижской учительской семинарии, где обучался Я. Колас, имели свое мнение, отличное от официального. Учитель русской словесности Ф.А. Кудринский, заметив талант юноши, посоветовал ему писать на белорусском языке. Он ставил в прямую зависимость развитие образования на родном языке с воспитанием патриотов своего края. Так, в журнале «Народное образование в Виленском учебном округе» (№ 5 за 1909 г.) в статье «О национальном воспитании» Ф.А. Кудринский отождествлял отечественный язык с сердцем народа, которое охраняет и приводит в движение весь его организм. Здесь важно отметить характерную примету того времени: отношение к родному языку высвечивало политические взгляды учителя. Блестящий профессионал-славист считался неблагонадежным и довольно часто, к великому сожалению своих учеников, переводился начальством из одного учебного заведения в другое.

Несмотря на неблагоприятный общественно-психологический климат, белорусское слово не исчезло. Общее недовольство обрусением выражалось

в протестах в учебных заведениях закрытого типа – Минской духовной семинарии, учительских семинариях, Виленском учительском институте, где в педагогическом процессе с середины 1880-х гг. употреблялся белорусский язык. Согласно воспоминанию белорусского педагога и писателя А. Лесика, характерное для учителей-белорусов «цоканье» и «дзеканье» не могла выбить у семинарских воспитанников никакая русификация. Между тем этноязыковая идентификация представляла собой серьезную проблему для местного учебного и конфессионального руководства. Так 25 августа 1905 г. управляющий Могилевской римско-католической архиепархией прелат Денисевич издал циркуляр о способах определения родного языка учеников. Им нужно было считать тот язык, на котором они читают свои ежедневные молитвы, т.е. польский. Если класс был многонациональным, то преподавание предлагалось вести на родном языке большинства, а остальным давать краткие толкования на понятном им языке. Молитвы перед уроками и после рекомендовалось вести на том языке, на котором будет вестись преподавание Закона Божьего.

Уступки правительства в области употребления «местных языков» были «выбиты» во время подъема революционной волны осенью 1905 г. Попечитель ВУО В.А. Попов циркуляром от 6 сентября 1905 г. сообщил директорам народных училищ о разрешении Министерством народного просвещения излагать Закон Божий для учеников-поляков на польском языке, а «для католиков-литовцев и католиков-белорусов – на их родных языках».

5 октября 1905 г. министр народного просвещения, ссылаясь на соответствующее решение Совета Министров от 1 мая 1905 г., принял циркуляр «Об отмене запрета ученикам пользоваться

польским языком в стенах учебных заведений». Отменялся также циркуляр от 8 января 1864 г. «О неиспользовании в стенах учебных заведений местных языков» [7, с. 395]. После чего законоучители-ксендзы активизировали свою деятельность, добиваясь признания учениками-католиками польского языка как родного. В связи с этим попечитель ВУО циркуляром от 6 ноября 1905 г. обратил внимание директоров народных училищ на то, что для определения родного языка учеников католического вероисповедания не надо допрашивать самих учеников, а руководствоваться показаниями их отцов. Объяснялось, что «ученики, для которых домашним языком является белорусский, на основании закона имеют право слушать Закон Божий по-белорусски, а остальные – по-польски», и было предложено «объявить отцам белорусам, что они имеют полное право добиваться осуществления права, которое предоставлено им законом». Однако сам попечитель не принял действенных мер для осуществления прав белорусов-католиков изучать Закон Божий на белорусском языке.

Министр народного просвещения 22 февраля 1906 г. утвердил «Временные правила для преподавания Закона Божьего инославных христианских исповеданий и о порядке наблюдения духовных лиц за преподаванием сего предмета в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения». Эти правила были разработаны на основании указа Николая II о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., согласно которому признавалось, что во всех учебных заведениях с преподаванием Закона Божьего других христианских вероисповеданий оно «ведется на родном языке учеников, причем преподавание это должно быть поручено духовным лицам соответствующего вероисповедания и, только при

отсутствии их, светским учителям того же вероисповедания» [9, с. 122].

Согласно «Временным правилам...» преподавание Закона Божьего во всех средних и начальных учебных заведениях, по уставам которых этот предмет не являлся обязательным, вводилось по желанию отцов и опекунов учеников и признавалось необязательным. Преподавание Закона Божьего иностранных вероисповеданий должно было осуществляться на родном языке учеников, который определялся на основании письменного заявления. Ученики, принадлежащие к разным национальностям, разделялись в соответствии с родным языком на несколько групп, и преподавание вводилось прежде всего для большинства. Затем организовывалось преподавание Закона Божьего на всех остальных языках для следующих групп учеников. При невозможности этого, с согласия отцов или опекунов, «допускается введение преподавания на одном известном всем ученикам данных групп языке, напр. русском, белорусском и др.», причем несколько групп могли быть объединены в одну. Преподавание должно было осуществляться по программам и пособиям, которые должны были быть утверждены духовными властями соответствующего вероисповедания и допущены для использования Министерством народного просвещения [там же, с. 123–124].

Однако следует заметить, что «Временные правила...» давали возможность для злоупотребления ими, поскольку не устанавливали точно определенного порядка обучения. Разумеется, что ксендзы хотели вести преподавание только на польском языке. Они не желали опрашивать отцов учеников белорусов-католиков об их родном языке, зная, что им является белорусский язык. В ряде случаев законоучители католического ве-

роисповедания даже отказывались от преподавания по-белорусски. Между русским учебным начальством и католическим духовенством развернулась острая борьба за влияние на учеников-католиков. Ксендзы стремились доказать, что все они поляки, а учебное начальство утверждало, что они белорусы. Новым в вековой борьбе между православием и католичеством было то, что русское учебное руководство не объявляло всех белорусов «исконно русскими», признавало белорусскую национальность и язык, пусть только в отношении преподавания Закона Божьего римско-католического вероисповедания. Разумеется, это был вынужденный шаг со стороны управления ВУО в целях освобождения учеников белорусов-католиков из-под влияния ксендзов. Это было некоторое, хотя и незначительное, движение вперед по сравнению с XIX в.

Однако вопрос о преподавании на польском, литовском и латышском языках продвинулся только в годы первой русской революции. В соответствии с указом Николая II от 1 мая 1905 г. и распоряжением Министерства народного просвещения от 22 сентября 1905 г. позволялось преподавание литовского и польского языков в начальных двухклассных и городских училищах и средних учебных заведениях там, где большинство учеников принадлежало к литовской или польской национальности. 24 апреля 1906 г. Николай II издал указ «Об использовании литовского языка в начальных училищах Виленской, Ковенской и Гродненской губерний и польского – в начальных училищах части Гродненской губернии», где предусматривалась возможность использования не только русского, но и литовского языка в преподавании арифметики, не говоря уже о преподавании Закона Божьего и литовского языка как предмета. В той части Грод-

ненской губернии, которая прилежала к Царству Польскому и где население было почти все польским, позволялось использование польского языка [1, с. 361–362]. В соответствии с распоряжением Министерства народного просвещения от 6 ноября 1908 г. позволялось введение латышского языка в начальных училищах в местностях Витебской и Ковенской губерний, где большинство учеников принадлежало к латышской национальности.

24 ноября 1905 г. вступил в действие Закон о печати, который позволял издавать произведения белорусской литературы и переводы на белорусский язык с других языков. Однако белорусский язык по-прежнему запрещали использовать в общественно-культурной и политической сфере, не имел он доступа и в школы. Отменялся запрет на печатание (каждый раз с разрешения Синода) переводов Евангелия на украинский язык. В качестве причины ослабления называлась бессмысленность запрета в условиях, когда украинское Евангелие широко распространялось из-за границы.

В педагогических товариществах края стали допускаться «местные языки» при условии сохранения за русским языком лидирующих позиций в официальной переписке и делопроизводстве. 10 января 1907 г. канцелярия учреждений императрицы Марии выдала циркуляр о разрешении преподавания на местном языке в женских гимназиях Северо-Западного края. Но это были только частичные и временные уступки. Положение мало изменилось из-за сопротивления администрации и местного руководства православной церкви, которая не позволяла своим священникам учить детей Закону Божьему на белорусском языке.

В начале 1905 г. католический мир во главе с виленским бискупом Э. фон Роппом усилил борьбу за об-

разовательные права католического населения. Весной 1905 г. Э. фон Ропп обратился к министру народного просвещения с предложениями введения в народных училищах новых порядков. Речь шла о том, чтобы в училищах с перевесом учеников католического вероисповедания назначались учителя-католики, чтобы материальное и моральное положение законоучителей-католиков было приравнено к православным законоучителям, чтобы Закон Божий обязательно излагался на родном языке в соответствии с желанием отцов.

Общественный и религиозный деятель Э. фон Ропп выступал против слепого отождествления католицизма с польскостью, содействовал введению литовского и белорусского языков в церковную жизнь. 22 апреля 1905 г. на основании царского указа от 17 апреля 1905 г. о веротерпимости он издал распоряжение, которое предусматривало право учеников отвечать на родном языке и изучать на нем Закон Божий. Ропп рекомендовал учителям читать молитвы, катехизис, священную историю костела на том языке, на котором дети молятся дома, т.е. на польском и литовском языках. Для детей, говорящих по-белорусски, бискуп разрешил в начальных школах преподавать Закон Божий по-белорусски. Бискуп Эдвард фон Ропп высказался за равноправие в изучении и развитии белорусского и великорусского языков в народных школах. Однако через два дня после распоряжения барона Роппа попечитель ВУО направил ему письмо с просьбой отменить этот документ, ссылаясь на отсутствие распоряжения от МВД относительно изучения Закона Божьего «инославных вероисповеданий» на родном языке. Попечитель также отметил, что пока не установлено для каждого из учеников-католиков, какой язык его семья считает для себя

родным: польский, литовский, белорусский.

Но то, что еще не стало установкой для русского учебного начальства, явочным порядком вводили ксендзы-законоучители. После принятия «Временных правил о преподавании Закона Божьего инославных христианских вероисповеданий...» в учебные заведения посыпались письма от католиков-белорусов с просьбой излагать их детям Закон Божий по-польски. Это объяснялось как сильным влиянием деятельности католического духовенства на местное население, так и слабой национальной сознательностью крестьян-белорусов. Такая конфронтация католического клира и русской администрации вокруг проблемы языка обучения – польского или русского – привела к тому, что в 1912 г. в 46 училищах Гродненской губернии ученикам римско-католического вероисповедания Закон Божий не преподавался вообще.

27 октября 1912 г. Министерство народного просвещения издало циркуляр, который вносил изменения во «Временные правила о преподавании Закона Божьего инославных христианских вероисповеданий и о порядке наблюдения духовными лицами за преподаванием сего предмета в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения». Изменения касались придания больших прав руководству учебных заведений с целью уменьшить влияние пропольски настроенного католического духовенства. Теперь само школьное начальство получило право определять родной язык учеников на основании «всех фактических данных, которые имелись по этому вопросу». Распоряжения барона Роппа отменялись. В случае, когда законоучитель не владел родным языком учеников, предусматривалось преподавание Закона Божьего на государственном, т.е. русском языке.

В 1910 г. III Государственная дума разрешила обучение на родном языке полякам, литовцам, немцам, татарам, эстонцам, латышам, армянам, чехам, грузинам, бурятам, калмыкам и евреям. Но белорусам и украинцам было по-прежнему запрещено учиться на родном языке. Анонимный автор в газете «Наша нива» в статье «Пожалейте детей» (20 сентября 1912 г.) с горечью отмечал, что депутаты от белорусских губерний голосовали за то, чтобы учителям не позволяли преподавать в школе «по-простому», т.е. по-белорусски. Только в частных школах можно было учиться на белорусском языке. Вместе с тем власти высказывали озабоченность развитием «инородческой школы». На совещании 1911 г. по вопросу школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением бывший директор департамента духовных дел Харузин обратил внимание на «систематическое стремление инородцев к захвату под видом удовлетворения религиозно-просветительских нужд в свои руки дела начального и даже среднего образования юношества с сообщением ему почти повсеместной узконационалистической и более или менее рельефно выраженной противогосударственной окраски». Участники совещания констатировали, что «обучение не может служить поприщем для националистического политиканства», и высказали надежду, что с введением всеобщего начального обучения исчезнет необходимость в частных начальных училищах с преподаванием на родном языке учеников. В средних школах, в особенности в Польше и Прибалтике, правительство хотело возвратиться к требованию допускать родной язык только в первые три года занятий.

1 июля 1914 г. Николай II утвердил правила пользования языками в частных учебных заведениях, согласно

которым выбор языка преподавания предоставлялся их учредителям или владельцам. Вместе с тем правила предусматривали обязательное преподавание русского языка и словесности, общей истории и географии на государственном, русском языке. В земских учебных заведениях все общеобразовательные предметы, за исключением Закона Божьего и вероучений иноверцев, «родной» язык учеников и другие языки, помимо русского, должны были излагаться на государственном языке. При преподавании русского языка ученикам, которые не говорят по-русски, позволялось пользоваться их родным языком в качестве вспомогательного в течение первого года обучения в начальных или средних учебных заведениях. Это была последняя уступка самодержавия белорусскому и украинскому языкам в области народного просвещения.

Правительство, которое было вынуждено под давлением национальных движений пойти на послабления в деле просвещения на родном языке, одновременно всеми силами держалось за государственный статус русского языка. В 1905 г. с теоретическим обоснованием роли и значимости русского языка в многонациональной Российской империи выступил один из идеологов монархизма Л.А. Тихомиров. В своей книге «Монархическая государственность» он писал о необходимости наличия единого языка в разноплеменном государстве, которым может быть только язык основного племени, т.е. русский язык. Вместе с тем ученый признавал, что общность одного государственного языка не должна вести к подавлению «местных языков», а, напротив, должна дополняться их развитием. Это будет содействовать обогащению и гибкости государственного языка и преобразованию его в еще более сильное средство

культуры, общей для всего государства [12, с. 611–612].

Л.А. Тихомиров критически характеризовал языковую политику правительства, отмечая отсутствие в ней «определенной и выдержанной мысли». По его утверждению, «не принималось мер для развития школы, способной дать возможность всем знать государственный язык, и в то же время принимали репрессивные меры против русских же наречий, например, против малорусского языка, который составляет исторически один из главных источников нашего литературного языка, и впредь может служить его обогащению» [там же, с. 611]. Главный недостаток государственной национальной политики он видел в том, что централизаторские устремления осуществлялись за счет ослабления местных сил.

В начале XX в. управление ВУО усилило работу по обеспечению доминирующих позиций русского языка в школьном деле. В редакционной статье о первоочередных задачах народной школы в Северо-Западном крае, помещенной в 1901 г. в журнале «Народное образование в Виленском учебном округе», ставилась задача обучения учащихся более правильному разговорному русскому языку не только в школе, но и за ее стенами. В статье учителя И.М. Дадыкина «О преподавании русского языка», помещенной в циркуляре по ВУО за 1906 г., констатировалось, что преподавание русского языка в средней школе поставлено в противостественные условия. Отмечалось, что ученики на всех уроках, включая «отечественный язык», редко слышат литературный русский язык; в большинстве случаев он носит следы польского, немецкого, французского языков, белорусской и малорусской речи, владимирского и псковского говоров и даже еврейского

жаргона. Сторонник чистоты русского языка предложил для устранения этих недостатков во всех без исключения средних и начальных учебных заведениях изучать чистый русский литературный язык или, что почти одно и то же, разговорный язык современного образованного московского общества без всякой примеси местных говоров. По мнению учителя, именно этот язык ученики должны слышать на всех уроках, а не только на уроках русского языка. Однако местное руководство вполне удовлетворяло поверхностное усвоение русского языка, пусть с теми же примесями «белорусской речи». В циркуляре управления ВУО «О постановке преподавания русского языка в начальных одноклассных училищах» от 1 апреля 1908 г. учителям рекомендовалось не предъявлять завышенные требования при оценке знаний учеников по русскому языку.

На рубеже веков Россия была одним из немногих многонациональных государств Европы, где этнический аспект образования не был урегулирован законодательно. Существовала серия подзаконных актов, направленных на ущемление прав местных языков и наречий. Острые правительственной языковой политики было направлено против украинского языка, что, однако, касалось непосредственным образом и интересов белорусского языка. Вынужденные уступки, сделанные правительством в деле образования на родном языке для нерусских народностей во время и после революций 1905–1907 гг., не распространялись на украинский и белорусский языки до 1917 г. В такой многоязычной системе, которой была Российская империя, языковые права и использование языков являлись предметом политического выбора. В результате этой сложной контаминации Министерство народного просвещения и другие админи-

страторы того времени, за небольшим исключением, так и не смогли увлечь объединительной политикой широкие просветительские и общественные круги.

Литература

1. Высочайшее повеление. Об употреблении литовского языка в начальных училищах Виленской, Ковенской и Гродненской губерний и польского – в начальных учебных заведениях части Гродненской губернии. 24 апреля 1906 г. № 8389 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1906. № 9. С. 361–362.
2. Историко-методологические и философские проблемы развития педагогики и образования в России во второй половине XIX века / под ред. С.Ф. Егорова. М.: ИТИП РАО, 2005.
3. Колас Я. Публицистические и критические статьи. Минск: Госиздат БССР, 1957.
4. Корнилов И.П. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. СПб., 1898.
5. Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае: Материалы истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. 2-е изд., провер. и доп. СПб.: Тип. А. Суворина, 1908. Вып. 1.
6. Методологические, нравственные, правовые и этнические основания педагогики пореформенной России: сб. науч. статей / под ред. С.Ф. Егорова. М.: ИТИП РАО, 2007.
7. Министерское распоряжение «Временные правила для преподавания Закона Божьего инославных христианских исповеданий и о порядке наблюдения духовных лиц за преподаванием сего предмета в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения» от 22 февраля 1906 г. № 3950 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1906. № 4. С. 122–125.
8. Министерское распоряжение «Об отмене запрещения учащимся употреблять польский язык в стенах учебного заведения» от 5 октября 1905 г. // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1905. № 10–11. С. 395.
9. Министерское распоряжение «О постановке преподавания русского языка в начальных одноклассных училищах» от 1 апреля 1908 г. № 4701 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1908. № 4. С. 181–182.
10. Снапковская С.В. Образовательная политика и школа в Беларуси конца XIX – начала XX века. Минск, 1998 (на бел. яз.).
11. Снапковская С.В. У истоков национальной педагогики: Из истории школы и педагогической мысли Беларуси конца XIX – начала XX столетия. Минск, 1995 (на бел. яз.).
12. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998.